

Чуть позже он снова передал мысль в духовное море Мо Чэньсян:

— В следующем месяце ты отправишься со мной на гору Хэсю, и там всё станет ясно. Сянэр, помни: только вытерпев миг, можно достичь великого.

Снова почти дословное повторение наставлений многолетней давности, и сейчас они резали слух Мо Чэньсян как нож.

Она не понимала, почему такая нелепая вещь в устах её учителя обретала видимость разумности.

Это неправильно — она хотела сказать это, но мгновенная смелость испарилась, едва она встретила суровым взглядом Ду Сюаньцзэ.

Дворец Семи Высших Таинств и Врата Пяти Духов дружили на протяжении поколений. Хотя она и её брат Мо Суфан были потомками семьи Мо из Дворца Семи Высших Таинств, она с детства была отправлена на обучение во Врата Пяти Духов и вернулась на гору Юэжуа лишь в середине этапа зарождающейся души. Семьсот лет внимательного наставничества сделали Ду Сюаньцзэ для неё подобным строгому отцу, и она относилась к нему с величайшим почтением, не смея ни в чём ослушаться.

Раньше было так, и сейчас оставалось так.

Фея Юй Юань уже удалилась, и остальные тоже постепенно покидали это место. Ду Сюаньцзэ, видя, что она молчит, склонив голову, сказал:

— Аюй одна в Цзяояо, разве ты не собираешься поскорее вернуться?

— Угу, — отозвалась она, но не пошевелилась.

Ду Сюаньцзэ, видя это, вздохнул, словно разочарованный в неподатливом металле, и ушёл первым. Мо Чэньсян подумала, что осталась одна, но краем глаза заметила белое пятно на месте, где прежде стоял бамбуковый дом.

Это была Чан Ли. Му Даньсинь дал ей несколько поручений и удалился, но она всё ещё не уходила.

А внимательно смотрела себе под ноги, словно что-то ища. Вскоре она извлекла из-под земли нефритовую шкатулку.

Из шкатулки исходили волны духовной силы — должно быть, внутри находилось немало высококлассных артефактов.

Озадаченная, Мо Чэньсян спустилась рядом с Чан Ли и спросила:

— Что ты делаешь?

Будь на её месте кто-то другой, Мо Чэньсян наверняка заподозрила бы воровство, но облик Чан Ли совершенно не располагал к таким мыслям.

Выражение её лица было невозмутимым, чёрные зрачки не отражали ни единой эмоции. Не было ни радости от находки сокровища, ни страха быть застигнутой на месте. Она держала бесценную нефритовую шкатулку так же равнодушно, как если бы это была вязанка хвороста.

Рядом появился человек, но Чан Ли даже не изменилась в лице, не удостоив Мо Чэньсян взглядом, и ответила:

— Забираю вещи.

Кратко, но безо всяких объяснений.

Культиваторы этапа зарождающейся души обычно относились к мастерам преобразования духа с величайшим почтением, не смея допустить и тени неучтивости. Но Чан Ли не то что не проявляла уважения — она вела себя так, словно вокруг никого не было.

— Что это? — не унималась Мо Чэньсян.

Это был первый раз, когда она видела легендарную фею Чан Ли, славящуюся необычайным талантом.

Та была личной ученицей первого мечника Поднебесной, У Хуэя, достигла этапа зарождающейся души, не дожив и до двухсот лет, и когда-то спасла секту Тяньи от гибели в лапах Цяньмянь Яня. Все говорили, что фея Чан Ли холодна как лёд. Мо Чэньсян, глядя на женщину в белом, первым чувством тоже стал холод, но вскоре она поняла, что это не просто холод.

Та, подержав шкатулку в руках и осмотрев её, спокойно убрала в своё кольцо-хранилище. Движения были настолько естественны, словно она находилась у себя дома, а не среди обугленных руин.

Не так давно здесь произошла потрясающая битва, давно не появлявшиеся мастера этапа прозрения пустоты, собравшиеся вместе культиваторы преобразования духа — любой из этих моментов мог бы привлечь внимание всех подвижников Поднебесной, но женщина в белом будто находилась в совершенно ином мире.

Услышав вопрос, она сперва на мгновение задумалась, а затем медленно произнесла:

— Это магические инструменты, которые старший Чжу оставил мне перед уходом.

Её голос был чист и прозрачен, без малейшей эмоциональной ряби. Она не пыталась ничего скрыть, словно говорила о чём-то совершенно обыденном.

Она была праведницей, Чжу Маолинь — злодеем. До этого её здесь же и держали под стражей, и она воочию видела весь тот хаос. Как же она могла так спокойно произнести эти слова?

Неверие отразилось в глазах Мо Чэньсян — Чан Ли даже почтительно называла Чжу Маолиня «старшим».

— Но... зачем он отдал это тебе? — не смогла она не спросить. — Ты не боишься, что там могут быть ловушки?

Это была естественная реакция. Когда-то, узнав о личности того человека, она долго изучала пропуск, который он ей вручил, прежде чем снова убрать в кольцо-хранилище. Именно поэтому Ду Сюаньцзэ и узнал о существовании этого пропуска.

Она сожалела, но считала это своим долгом. Мысли невольно унеслись вдаль, и в полузабытьи она услышала, как Чан Ли сказала:

— Он сказал, что это может пригодиться. Не боюсь. Он сказал, что не даст мне пострадать.

Не было никакой логической связи, она просто по порядку отвечала на заданные вопросы, что звучало весьма странно, но Мо Чэньсян уже не могла обращать на это внимание.

Это была последняя снежинка, и ветвь, долго державшаяся под тяжестью, наконец сломалась.

«Если я когда-нибудь захочу причинить тебе вред, я сначала предупрежу. До этого момента я не трону даже твоего пальца... ну, разве что отрежу несколько волос».

Тот человек сказал это так небрежно, и по содержанию, и по интонации это звучало как шутка. И лишь в конце она поняла, что это не было шуткой.

Небо постепенно светлело, а затем снова темнело. Мо Чэньсян стояла, словно изваяние, среди развалин бамбуковой рощи. Чан Ли незаметно исчезла, даже не попрощавшись.

Мо Чэньсян не обиделась на такое неуважительное поведение, наоборот, была даже благодарна.

Сейчас она была в таком состоянии, что даже если бы кто-то заговорил с ней, она бы не смогла ответить, боясь, что голос её дрогнет.

Глаза уже высохли, но на щеках оставались влажные следы. Она сняла покрывало, пропитанное слезами, и уставилась на пустыню перед собой. Она надела покрывало, чтобы скрыть лицо, стыдясь встречи с тем человеком, но теперь всё повторилось.

Покрывало в её руках казалось насмешкой, издевательством над её тщетными усилиями.

Она бросила покрывало и глубоко вздохнула, в глазах появилась растерянность.

Каждая сцена перед ней напоминала о прошлом, и с каждой минутой сердце ныло всё сильнее, но она чувствовала, что эта боль была её собственной виной.

Она словно попала в ловушку, не желая уходить.

Так она простояла три дня и три ночи, пока солнце не зашло в третий раз, и она почувствовала, что кто-то очень быстро приближается к этому месту.

Сказать, что это было «быстро», было не совсем точно. На уровне сферы преобразования духа это даже не считалось бы бегом, но у приближающегося был лишь этап закладки основания, и для такого уровня такая скорость была поистине поразительной — многие культиваторы золотого ядра вряд ли могли двигаться столь стремительно.

Вскоре она поняла, кто это был.

Ученица феи Чан Ли. Мо Чэньсян подняла взгляд в сторону приближающегося. Расстояние было слишком велико, и для обычного человека это была бы всего лишь точка, но она могла чётко разглядеть лицо пришельца.

Взгляд упал на глаза, которые были чуть светлее обычных, и растерянность невольно сменилась заморозённостью.

Чжун Минчжу спешила, почти выбившись из сил, но не смела расслабиться. Ещё издалека она почувствовала остатки неистовой духовной силы, характерные для места недавней битвы. Она

не отступила, сжав в руке несколько духовных талисманов, и даже ускорила.

Подойдя ближе, она с ужасом обнаружила, что густой бамбуковый лес превратился в выжженную пустошь.

Среди обширной жёлтой земли лишь изредка торчали обломки бамбуковых стеблей. Никакого следа от уютного бамбукового двора не осталось.

Она почувствовала, как грудь сжало тяжёлым молотом, и ей стало трудно дышать. Не думая о том, долетит ли её голос, она закричала:

— Учитель! Учитель! Чан Ли!

— Чан Ли! — Несколько криков сорвали голос, а отсутствие ответа повергло её в панику.

Она не могла понять, когда это произошло, но знала, что остатки духовной силы принадлежали высокоуровневым культиваторам, на голову превосходящим её, и Чан Ли тоже не могла с ними сравниться.

Она взяла в руки свиток Чжумин и попыталась вложить в него всю свою духовную силу, надеясь найти хоть какие-то следы. Матрица формировалась неровно, она пыталась успокоиться, но в голове мелькали обрывки воспоминаний, словно снежинки, и все они останавливались на образе Чан Ли, тяжело раненной и кашляющей кровью. С каждым таким видением духовная сила в её руках становилась всё более нестабильной.

Её взгляд помрачнел, и в глубине души зазвучал голос, будто призывающий к ярости и убийству. В тот миг, когда она уже не знала, что может совершить дальше, в её ушах раздался голос.

— С ней всё в порядке, она ушла со своим учителем, старейшиной Му.

Эти слова подействовали как заклинание успокоения духа, мгновенно умирив бурю эмоций. Затем её ноги подкосились, и она чуть не рухнула вниз, но мягкая сила подхватила её. Когда её стопы коснулись твёрдой земли, она даже не стала напрягаться, чтобы стоять, а просто повалилась на спину, уставившись в чистое голубое небо, и ждала, пока сердцебиение не придёт в норму.

— Этот магический инструмент... это свиток Чжумин?

Голос раздался снова, и она повернула голову, увидев женщину в платье цвета нежного жёлтого, словно оперение только что вылупившегося птенца.

Авторское примечание: Отношения между персонажами объясняются в тексте, но на всякий случай: Байли Нинцин — друг старого возлюбленного тётушки главной героини (Чжун Минчжу), они не враждуют из-за мужчины, а, наоборот, Байли Нинцин помогает из чувства долга перед своим другом.

<http://bllate.org/book/16292/1468711>